

Экономика против дикой природы

Природоохранное движение является по крайней мере утверждением о том, что эти взаимодействия между человеком и землей являются слишком важными, чтобы оставить их на волю случая, даже того священного разнообразия случаев, известного как экономический закон.

Ольдо Леопольд

Мы окружены рубцами и потерями. Каждый из нас несет с собой список конкретных оскорблений, нанесенных нашей местности: сплошная вырубка, луг с чрезмерным выпасом скота, дорога, дамба. Некоторые из них мы неохотно принимаем, другие мы считаем ошибками. Ошибки посещают нас как демоны, демоны плодят мстящих духов, и присутствие демонов и духов помогают сделать место своим домом. Не случайно, что «дом» (house) и «посещать» (haunt — обитать, часто посещать, обиталище) имеют общие глубокие корни и в староанглийском языке, что мы говорим о доме животного как о его обиталище, или что это «обиталище» может означать как место постоянного обитания, так и место, отмеченное присутствием духов. Подобно рубцам, духи являются напоминанием — следами, по которым прошлое остается настоящим.

Эти раны и шрамы неслучайны. Мы приписываем вред случайным людям или корпорациям, или общим понятиям, таким как индустриализация, технология и христианство, но мы склонны игнорировать то конкретное объединение, которое сделало эти конкретные раны возможным. Это объединение состоит в ресурсных экономиках Запада: лесоводство, выпас скота, извлечение минералов и обширные гидрологические системы, которые поддерживают сельское хозяйство. Исцеление этих ран требует изменение всех этих экономик, их теорий, практик.

Современная экономика началась в постфеодальной Европе вместе с социальными силами и традициями, которые мы называем Просвещением. На одном уровне ее корни представляют собой собрание текстов. Люди в Англии, Франции и Германии писали книги; наши отцы основатели читали книги и в свою очередь писали письма, меморандумы, законодательные документы и Конституцию, таким образом создавая современный гражданский порядок общественного и частного секторов. Большая часть из проблем, стоящих перед моим домом сегодня, происходят от этого дуализма: права на воду, частное использование общественных ресурсов, общественный доступ через частные земли, реинтродуцирование волков в Йеллоустоунском национальном парке, законодательство по дикой природе, стоимость разрешений на выпас частного скота на общественных землях, военные перелеты, ядерные испытания, захоронение токсичных отходов, постановления о

зонировании сельской местности — список долог. Мы настолько поглощены этими напряженностями и средствами их разрешения, что мы не можем заметить, что наши несчастья имеют общую нить — использование мира, воспринимаемого как собрание ресурсов.

Почти каждый согласен с тем, что использование общественных и частных ресурсов является неупорядоченным, но здесь согласие заканчивается. Именно это отсутствие согласия представляет собой ключ к нашим трудностям, а не, например, стоимость разрешений на выпас скота.

Гражданское общество отмечается едва ли сознательным консенсусом верований, ценностей и идеалов — всего, что образует легитимную власть относительно того, какие символы являются важными, какие проблемы требуют разрешения и относительно границ допустимого. Я думаю об этом консенсусе как об общем видении хорошего. Исторически наше общее видение хорошего происходило от общего опыта и интересов в общем месте. На Западе эта «общность» исчезла — если допустить, конечно, что она когда-либо существовала. Мы не разделяем общего видения хорошего, особенно в отношении экономических практик. Одной из многих причин для этого является растущее понимание, что наши существующие экономические практики создают нежизнеспособную планету.

Сокращение консенсуса также вызывает эрозию истины. Истина подобна клею — она соединяет вещи. Когда происходит эрозия истины, личные отношения, семья, общества и нации расслаиваются. Жить с этой эрозией означает получать опыт современности? Современные наследники Просвещения верят в то, что материальный прогресс стоит утраты общего опыта, места, сообщества и истины. Другие менее оптимистичны.

Наследники Локка и Смита являются членами так называемого движения Разумного Использования. Его жизненная сила происходит от точной оценки: общественный порядок, в который они верят, требует христианского откровения, додарвинской науки, физики до изучения частиц и модели разума как максимализация полезности. Точность этой оценки в свою очередь беспокоит как либералов, так и консерваторов, которые желают сохранить идеалы Просвещения, в то же время выбрасывая за борт христианские основания, на которые опираются эти идеалы. К сожалению, это сводит социальную теорию к экономике. Как сделал вывод Джон Данн двадцать пять лет тому назад в «Политическом мышлении Джона Локка»: «Локковские либералы современных Соединенных Штатов являются более близкими, чем они сами это понимают, наследниками эгалитарной перспективы кальвинизма. Если религиозная цель и санкционирование призвания были бы устранены из теории Локка, то цель как индивидуальной человеческой жизни, так и общественной жизни исчерпывающе определялась бы целью максимализации полезности». Именно это сейчас и происходит. Вместо общего видения добра мы имеем собрание прав собственности и расчетов полезности.

Поскольку я буддист, я не ограничиваю равенство человеческими существами и не оправдываю его христианским откровением. Я также не вижу каких-либо оснований ограничивать «общее» (как в «общем благе») или «сообщество» группами человеческих существ. Другие граждане Запада имеют иные понимания и оправдания этих ключевых

политических терминов, поэтому часть решения трудностей Запада связана с языком.

Со времен Ньютона до настоящего времени язык физической теории изменился, и вместе с ним изменилась наша концепция реальности. К сожалению, языки нашей общественной, политической и экономической теорий сохранились несмотря на то, что они достигли своей зрелой формулировки до широкого распространения индустриализации, подъема технологии, жестокого перенаселения, взрыва научных знаний и глобализации экономик. Эти события изменили нашу общественную жизнь без изменения теорий о нашей общественной жизни. Поскольку теория представляет собой просто наше описание мира, новый набор соглашений относительно Запада требует каких-то новых описаний мира и нашего надлежащего места в нем.

На этом фоне защита окружающей среды в своем широчайшем смысле представляет собой новое описание мира. Первые образы этого движения привели к тому, что «Ньюсуик» назвал «войной на Запад». Прокурор Карен Бадд, которая часто поддерживает вопросы Разумного Движения, говорит: «Эта война связана с философией», и она права. Битва идет за интеллектуальные, а не физические ресурсы. Защитники окружающей среды сражаются за то, чтобы снизить авторитет некоторых терминов — например, «частная собственность», и расширить авторитет других терминов — например, «экосистема».

Эти новые силы заняли границы наших умов — странные фигуры, претендующие на высокие моральные области, как сиу вдоль хребтов Миссури. Это вызывает беспокойство. Парни, занятые в традиционных экономиках, ставят в круг фургоны старых ценностей и верований. Их тон и позиция являются оборонительными, как и должно быть с теми, кто будучи затягиваемым в будущее, упорно цепляется за прошлое.

Первопроходцы, которые заселили Запад, навязали свои описания места, которое они называли дикой природой, и людей, которых они называли дикарями. Ни то, ни другое не было по определению источником моральной ценности. Великие дебаты Джефферсона, Мэдисона, Гамильтона и Адамса были наполнены этикой, откровением, наукой, политической теорией и экономической теорией Просвещения. Первопроходцы принесли эти идеи на Запад, чтобы создать моральный и рациональный порядок на новой земле. Эти представления о том, что является моральным и рациональным были связаны с экономикой.

Короче говоря, общественный порядок американского Запада представлял собой мешанину великолепных идеалов и повсеместной слепоты — рационализированный ландшафт, заселенный христианами, считающими частную собственность священной и практикующими сельское хозяйство и коммерцию под отеческим оком федерального правительства.

Мы продолжаем верить, что политики представляют народ, что частная собственность обеспечивает свободу и что сельское хозяйство, коммерция и федеральные противовесы дают достоинство и уважение Западу и его народу. Поскольку это в значительной степени является иллюзией, то неудивительно, что мы сталкиваемся с проблемами.

Остается только одна широко разделяемая ценность — деньги, и это объясняет нашу склонность использовать бизнес и экономику скорее, чем моральные споры и

законодательство для урегулирования наших отличий. Когда «мир» сокращается до рационализированной сетки, наполненной ресурсами, алчность становится пандемической.

Многие группы сторонников охраны природы и заповедания сейчас презируют моральное убеждение, и многие просто уступили правительственному регулированию. Вместо этого они приобретают то, что они могут себе позволить, или утверждают, что рынок следует использовать для того, чтобы сохранить все от озонового слоя до биоразнообразия. Они предлагают вознаграждения владельцам ранчо, которые позволяют волкам водиться в их владениях, они покупают ручьи с форелью, они оплачивают шантаж богатых, чтобы те не вторгались в нетронутые земли. Они защищают находящиеся под угрозой виды и дождевые леса на экономических основаниях. Вместо того чтобы рассматривать современную экономику как проблему, они рассматривают ее как решение.

Отвержение убеждения создает социальный порядок, в котором экономический язык (и его расширение в законе) исчерпывающе описывает наш мир и, следовательно, становится нашим миром. Моральный, эстетический, культурный и духовный порядки в таком случае просто являются субъективными вкусами, не имеющими общественной важности. Таким образом неудивительно, что гражданственность идет на спад. Для меня это новая «этика» охраны природы отдает цинизмом — как будто не сумев убедить и уговорить свою любимую, вы внезапно переключаетесь на наличные. Новые экономические сторонники охраны природы думают, что они являются рациональными; я думаю, они относятся к Матери-Природе как к публичному дому.

Ирония в том, что Просвещение и гражданское общество были задуманы для того, чтобы спасти нас от такого морального вакуума. Просвещение учило, что человеческим существам нет необходимости поклоняться силе за пределами них самих — ни церкви, ни королю. Сейчас нас просят поклоняться рынкам и экономическим стимулам.

Должны ли мы поклоняться новому королю? Могут ли новые экономические стимулы для использования вторсырья, захоронения отходов и более эффективного использования ресурсов положить конец кризису окружающей среды? Могут ли рыночные механизмы восстановить качество общественных земель? Состоит ли победа в лицензиях на загрязнение, налоговых стимулах и новых глушителях? Сохранит ли зеленый капитализм биоразнообразие? Исцелят ли деньги раны Запада?

Одной из групп, которая утвердительно отвечает на эти вопросы, является Новая ресурсная экономика. Она приветствует моральный вакуум и заполняет его рынками и экономическими стимулами. Как экономическая теория она заслуживает тщательного изучения со стороны экономистов. Я не экономист, а альпинист и пустынная крыса. Тем не менее я скажу свое слово, несмотря даже на то, что слово «экономика» заставляет меня шипеть, как Голема в «Хоббите» Толкиена: «Я ненавижу ее. Я ненавижу ее. Я ненавижу ее всегда.» Потому что я верю, что классическая экономическая теория и все теории, которые она предполагает, разрушают волшебное кольцо жизни.

Зимой 1992 года я полетел в Сиэтл по любезному приглашению фонда исследований экономики и окружающей среды, чтобы посетить конференцию, предназначенную для того,

чтобы познакомить пишущих об окружающей среде с идеями Новой ресурсной экономики. Конференция проводилась посреди мизансцены уверенности и силы — со вкусом обставленные изолированные комнаты, приятная пища, хорошее вино. Я чувствовал себя варваром, которого позвали в Рим поплодировать его роскоши.

Я не только не смог увидеть свет, но и не смог понять, что нового в Новой ресурсной экономике. Эта теория применяет идеи о рынках, которым сейчас более двухсот лет. Через некоторое время у меня возникло чувство, что я наблюдаю за морально спорным «сапожником», представления которого быстро исчезают за горизонтом, когда они пытались обновить одну устаревшую идею другой. И все же у меня мало сомнений в том, что они добьются успеха. Только что пролетев над опустошенными лесами к востоку от Сиэттла я хотел воскликнуть: «Посмотрите на судьбу планеты, изнашивание земли!», но я знал, что они спокойно ответили бы разговором о стимулах, преимуществах и неэффективности.

Наконец я понял. Скрытая повестка дня конференции состояла в том, чтобы убедить тех, кто пишет об окружающей среде, описать природу при помощи экономического словаря. У них была теория и подобно всем, у кого есть теория, они делали попытки колонизации с помощью своего теоретического словаря, и таким образом, устранения других способов описания мира.

Литература конференции пахивала колонизацией. Доклад Вернона Л.Смита: «Экономические принципы в возникновении человечества» описывает магию, ритуал и модели получения пищи в охотничье-собираТЕЛЬСКИХ культурах с помощью таких терминов, как «стоимость возможности», «цены усилий» и «аккумулированный человеческий капитал». Майкл Ротчайлд в «Биоэкономика: экономика как экосистема» распространяет экономический словарь на экосистемы и поведение животных: ниша становится «профессией организма», его среда обитания и пища — «базовыми ресурсами», его отношение к среде обитания — просто частью «экономики природы».

Описание всего заново экономическим языком характерно для тех, кто сидит в тени Чикагской школы экономики. Так Ричард Поснер в «Экономических аспектах закона» колонизирует юридические вопросы с помощью экономического словаря. Относительно детей Поснер заявляет: «Недостаток детей и черный рынок являются результатом юридических ограничений, которые не дают рынку действовать также свободно при продаже детей, как и при продаже других товаров. Это показывает, что возможной реформой просто является устранение ограничений». «Цены, риски и преимущества хирургии» Банкера, Барнза и Мостеллера делают то же самое в отношении медицины.

В самом деле, все области нашей общественной жизни были заново описаны экономическим языком. Если вам нравится теория в одной области, то она, вероятно, вам понравится повсюду. Экономическое переописание также не ограничено общественными вопросами. Например, Роберт Нозик в «Рассматриваемой жизни» применяет экономический язык к вопросу о том, почему мы могли бы любить наших супругов.

Зачем останавливаться на любви? В «Новом мире экономики» Маккензи и Туллока секс становится рассчитанным рациональным обменом. Отсюда следует, что количество требуемого секса представляет собой обратную функцию цены... Причина этого соотношения состоит просто в том, что рациональный индивидуум будет потреблять секс вплоть до той точки, когда маргинальные преимущества сравниваются с маргинальными затратами... Если цена секса повышается по сравнению с другими товарами, потребитель «рационально» выберет потребление большего количества других товаров и меньше секса. (Мороженое, а также многие другие товары могут заменить секс, если этого требует относительная цена)».

Слова: «ресурсы», «рынок», «преимущества», «рациональное», «собственность», «собственный интерес» функционируют таким же образом, что и слова «конфликт», «бессознательное» и «проецируемая агрессия». Это просто термины, которые использует конкретная теория для описания мира. Принимая эти описания, вы поддерживаете и расширяете теорию. Вы могли бы принять решение игнорировать теорию или сделать заключение, что теория хороша в своем ограниченном контексте, но не должна распространяться на другие. Но если мы не хотим, чтобы судьба наших лесов решалась графиками и колонками, нам необходимо прекратить говорить о лесах как об измеримых ресурсах.

Экономисты и ученые направили нас так, чтобы мы стали говорить о деревьях как о «ресурсах», о дикой природе как о «единицах менеджмента». Принимая их описания, мы позволяем группе экспертов определять наши заботы с экономических позиций и предопределять спектр возможных реакций. Часто мы не можем даже поднять важные для нас вопросы, потому что экономический язык исключает их из дискуссии. Принятие этой направленности выхолащивает не только радикальные альтернативы, но и все альтернативы. Каждый словарь формирует мир так, чтобы тот соответствовал его парадигме. Если вы не хотите природы, сведенной к экономике, тогда отказывайтесь использовать ее язык.

Этот процесс теоретического переописания был окрещен термином «колонизация», потому что он отдает привилегии одному описанию мира и исключает другие. Сиу говорят, что Священные Холмы являются «священной землей», но они обнаружили, что «священная земля» не появляется в языке закона о собственности. Не существует бюро, в которое можно подавать иск о священной земле. Если бы они возбудили судебное дело, они бы открыли, что Верховный Суд склонен защищать религиозные верования, но не религиозные практики в конкретном месте — очень протестантский взгляд на религию.

Язык — это сила. Контролируйте язык людей и вам не потребуется армия, чтобы выиграть войну за Запад. Нечего будет оспаривать. Если мы будем направлены на описание жизни на Земле и нашего дома с точки зрения преимуществ, ресурсов, собственного интереса, моделей и бюджетов, тогда демократия будет мертва.

Реальный способ опровергнуть экономический язык состоит в том, чтобы понять что все, что имеет большую ценность, не является ни абстрактным, ни соизмеримым. Начните со своей руки. Служба компенсации при травмах на работе может сказать вам стоимость вашей руки

в долларах. Рассмотрим вашу дочь. Страховая компания или юрист на судебном процессе могут сказать вам ее стоимость в долларах. Сколько стоит место, где вы родились? Волосы вашего любимого? Ручей? Вид животных? Волки в Йеллоустоуне? Старательно представьте себе каждого любимого человека, место, животного или вещь, переописанных экономическим языком. Затем примените анализ прибылей и расходов. То, что получится в результате, это чувство болезненности (тошноты), знакомое по любой продаже леса или предложению по контролю за хищниками. Эта тошнота оттого, что заставили использовать язык, который игнорирует то, что важно для вашего сердца.

Наконец поймите, что описание жизни — полностью индивидуальной, уникальной, живого здесь и сейчас — особенно диссонирует с абстракциями. Рассмотрим «ресурсы», используемые в биологическом институте. Основатель экспериментальной физиологии Клод Бернард сказал, что человек науки «больше не слышит криков животных, он больше не видит крови, которая течет, он видит только свою идею и воспринимает только организмы, скрывающие проблемы, которые он намерен решить». Он видит только идею, которая даст ему что-то сделать в мире. Тем временем крики животных в лабораторных экспериментах переписываются как «вокализация на высоких тонах».

В своем экстраординарном эссе «Картины на научной выставке» Вильям Джордон, энтомолог, описывает свое высшее образование и ужасающее (его слово) обращение с животными, которого оно требовало. «Пятнадцать лет тому назад я увидел, как несколько из моих однокашников, закрывая свою лабораторию на вечер, обнаружили, что там осталось три или четыре мыши. Следующих экспериментов в расписании не было на несколько недель, и сохранение этих мышей в живых до того времени не стоило затрат и усилий. Мои друзья просто швырнули оставшихся в смеситель, перемололи их и спустили в раковину. Это называлось решением «Кровавая Мэри». Несколько дней тому назад я разговаривал еще с одной своей старой однокашницей по моим университетским дням, и она проинформировала меня, что новый гуманный метод для того, чтобы выбросить лишних мышей в ее лаборатории, состоит в том, чтобы запечатать их в пластиковый мешок и положить в морозильник.

Я повторяю: отношение к негуманоидной жизни не изменилось среди экспериментальных биологов. Отношение представляет собой просто проекцию собственных ценностей, а их ценности не изменились: они не уважают жизнь, которая не является человеческой.

Наука, включая экономику, склонна сводить негуманоидную жизнь к отбросам. Кричащие животные, мертвые койоты, «Кровавая Мэри» из мышей, пни, мертвые реки — все они связаны этими процессами абстрагирования, соизмеримости и финансовой ценности. Для нас нет необходимости описывать мир таким образом. Апачи не делали этого, и нам необходимо достичь точки, когда мы также не будем этого делать.

Вселенная, которую мы можем познать, это вселенная описаний. Если мы обнаруживаем, что живем в моральном вакууме, и если мы полагаем, что это отчасти объясняется экономическим языком, тогда мы обязаны создать альтернативы экономическому языку. Старые способы видеть не изменяются в результате свидетельств. Они изменяются, потому что новый язык захватывает воображение. Прогрессивные отрасли охраны окружающей

среды — определяемые неравнодушным настаиванием на биоразнообразии, дикой природе и замене нашей существующей социальной сетки — биорегионами, отшелушили старые идеи и создали один из многих возможных новых языков.

Эмерсон начал традицию, отбросив свой утилитарный словарь и написав «Природу» на языке, который восстановил священность природы. Торо еще сильнее изменил свой словарь и захватил наше воображение. Этот процесс продолжается трудом поэтов, глубинных экологов и натуралистов. Он, однако, не ограничивается радикальной охраной окружающей среды, он включает многих, кто только частично симпатизирует радикальному делу. Майкл Поллан, например, рассказывает нам во «Второй природе», что наука предложила некоторые новые описания деревьев, как легких Земли. Как радикальный экономист Томас Пауэр показывает в «Экономическом стремлении к качеству», что «экономика» могла бы быть расширена за пределы коммерции. Этот процесс усиливается, когда Чарльз Ф. Вилкин в «Птице-орле» показывает изменения в языке закона, которые почтили бы нашу капитуляцию перед красотой мира и эмоций.

Представим себе распространение общего в «общем благе» на то, что является общим для всей жизни: воздух, атмосферу, воду, процессы эволюции и разнообразие, общность всех организмов в их общем наследии. Представим себе расширение «сообщества» для включения всех форм жизни того места, которое является вашим домом. Представим себе слово «accounting» (бухгалтерия, объяснение, отчет) в его оригинальном смысле: *tu be accountable* (быть объяснимым, подлежать отчету). Что означает «подлежать отчету», перед кем и с какой целью? Что такое «хорошая сделка» со Вселенной? Представим себе экономику потребностей. Вместо того, чтобы спрашивать «Сколько это стоит?» спросите «В чем нуждается этот лес?», «В чем нуждается эта река?».

Первичная задача поэтов, и мыслителей, и художников, как мне кажется, состоит в том, чтобы расширить те ценности, которые мы ценим глубже всего — источник нашей морали и духовной практики, на то, что мы называем «миром». Многие обнаружат, что этот источник является пустым, осушенным, подобно великим водоносным горизонтам, которые питают нашу жадность. Другие откроют связи между своей цельностью и цельностью экосистемы, между своим достоинством и достоинством дерева, между своим желанием автономии и автономией, которой желают все существа, между своими страстями и дикими процессами, которые поддерживают всю жизнь.

Распространим эти моральные и духовные ценности на природу, и духи каждого лелеемого как сокровище места заговорят, как они говорили всегда — через искусства, мифы, сны, танец, литературу, поэзию, мастерство. Откройте дверь, и они преобразят ваш ум мгновенно. Если дети воспитываются, слыша истории про пятнистых сов, почитая их танцами, представляя их в себе в своих мечтах и стремясь к силе их зрения, тогда пятнистые совы заговорят с нами, преобразованные нашим умом в «Нашу форму жизни в месте пятнистых сов».

Тогда нам не пришлось бы беспокоиться по поводу сплошной вырубке среды обитания пятнистой совы. И когда лесные пожары выразили их нужды, мы бы не топили их в химикатах. И дикие реки заговорили бы, если бы были очищены от дамб, и лосось поднялся

бы из моря.

Вкопайтесь в какое-то место — подобно большой сосне, вбивающей корни глубоко в скалистый хребет, чтобы противостоять буре. Позвольте духам избранного вами места говорить через вас. Назовите их имена: Лосиные пруды, Потерянная река. Говорите об индивидуумах — сосновой ласточке на южном хребте Гранд Тетона. Заставьте духов своего места быть услышанными. Сохраняйте надежду. Язык меняется, и воображение на нашей стороне. Возможно через тысячу лет нашими самыми священными объектами будут флора, обширные таксономии насекомых и репертуар песен, которые мы будем петь китам.

Версия #1

Зверобой создал 21 апреля 2025 03:19:54

Зверобой обновил 21 апреля 2025 03:20:35